

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ САМОДЕРЖАВНОЙ МОНАРХИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЫБОРА

*Коновалов Денис Александрович,
преподаватель кафедры политологии
исторического факультета
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

Аннотация: статья посвящена проблеме восстановления самодержавной монархии с точки зрения теории общественного выбора, основным аспектом которой становится перераспределение общественных благ. Самодержавие определяется как социальный идеал монархиста, а его восстановление считается попыткой преодоления ретроспективной абберации. Производится критика монархической политики с позиций теоремы К. Гёделя о неполноте. В статье подробно рассмотрена технология созыва земского собора с целью восстановления самодержавия в России.

Annotation: article is devoted to a problem of restoration of an autocratic monarchy from the point of view of the theory of a public choice which main aspect is a redistribution of the public benefits. The autocracy is defined as a social ideal of the monarchist, and his restoration is considered attempt of overcoming of a retrospective abberation. It is made the critic of monarchic policy with positions of the theorem K. Gödel of incompleteness. In article the technology of convocation of a territorial cathedral for the purpose of recovery of autocracy in Russia is in detail considered.

Ключевые слова: самодержавие, восстановление самодержавной монархии, перераспределение общественных благ, ретроспективная абберация, социальный идеал, теорема К. Гёделя о неполноте, земский собор.

Keywords: autocracy, restoration of an autocratic monarchy, redistribution of the public benefits, retrospective aberration, social ideal, K. Gödel's theorem of incompleteness, territorial cathedral.

Восстановление самодержавия, которое предлагают современные российские монархисты, определяется, прежде всего, проблемой достижения общественного блага, которая показывает «провал рынков», когда индивиды не могут обеспечить достижение частных и общественных благ, а, значит, и Парето-оптимума. По мнению монархистов, самодержавие эффективно в распределении ресурсов, удовлетворяя интересам различных социальных групп и индивидов. Предполагается, что монарх, обладая полнотой информации, способен должным образом распределить общественные блага, выступая одновременно фактором сдерживания деструктивных социальных сил.

Поскольку проблема распределения ресурсов становится ключевой в понимании восстановления монархии в России, следовательно, рассмотрим основные способы такого распределения, которым может удовлетворять самодержавная монархия.

Монархия и перераспределение как страхование связано с готовностью богатых людей платить налоги с целью минимизации вмешательства государства в их личные дела и других социальных групп, покупая, тем самым, благополучие и безопасность, защищая себя от претензий более низких социальных слоев [3, с. 40]. Самодержавная монархия, с точки зрения монархистов, сможет максимизировать ожидаемую полезность при неопределённости причисления себя к определённому социально-экономическому классу, будет скорее поддерживать перераспределительные налоги, которые уравнивают предельные полезности репрезентативных членов каждой социальной группы.

Монархия и перераспределение как общественное благо. Суть перераспределения с целью обеспечения общего блага заключается в том, что богатые передают часть дохода бедным в силу альтруизма [13, с. 62]. Предполагается, что каждый член группы с наиболее высоким доходом получает некоторое удовлетворение от прироста полезности принадлежащим низшим классам. Восстановление самодержавной монархии, с этой точки зрения, сводится к тому, что более богатые люди с помощью альтруизма могут добиться повышение уровня общественного блага.

Монархия и перераспределение для удовлетворения норм справедливости. Это заявление о монархии как о справедливой форме распределения общественных

благ. Опираясь на гипотезу, выдвинутую Р. Эйхенбергером и Ф. Оберхольцер–Гее [13, с. 66], которая гласит, что «диктаторы» более щедры, когда это «дешевле для них», т. е. они будут голосовать за передачу большей части денежных ресурсов, если решение о данном действии является коллективным, чем в случае единоличного решения. Когда решение о перераспределении принимается коллективно, дешевле выразить готовность отдать, так как голос одного человека оказывает лишь вероятностное влияние на результат. Вот почему монарх воспринимается как благодушный диктатор, который может распределить средства, оставив при этом некоторую часть доходов себе. Учитывая эти экспериментальные результаты, доказывающие важность идеи справедливости, можно утверждать, что эти представления не могут быть исключены из объяснения добровольного перераспределения общественных благ в условиях самодержавной монархии. Дело в том, что рациональная диктатура есть свойство монархии, которое воплощено в насилии, максимально сближая эти феномены. Самодержавная, или неограниченная, монархия способна производить насилие и подавлять волю подданных даже вопреки их сопротивлению, независимо от того, на чём эта возможность основана. Восстановление монархии, с этой точки зрения, считается возвратом к рациональной диктатуре, которая может удержать общество от разрушения и обеспечить ему процветание. Данная позиция считается рациональной, поскольку исходит из теоретических предпосылок, сформулированных Т. Гоббсом, которые в результате стали основой теорий рационального и общественного выбора [1]. Теория Т. Гоббса показывает способ перехода от анархии к рациональной диктатуре, а именно – к абсолютной монархии. С этой позиции такой способ восстановления монархии остаётся единственной возможностью сохранить общество, держа его в повиновении, применяя насилие в качестве превентивных мер. Более того, индивид соглашается с соблюдением законов, установленных монархом, сознавая при этом, что властитель может без всяких ограничений использовать эти законы в собственных эксплуататорских целях [1].

Монархия и перераспределение для улучшения аллокативной эффективности. Проблема распределения выгод от коллективного действия, которое обеспечивается через систему монархического управления, наглядно

показана в случае с аллокацией общественных благ через политический процесс и принятие политических решений, чем в случае аллокации частных благ в процессе рыночного обмена. Справедливым распределением для монархиста оказывается самодержавная монархия, восстановление которой обеспечит стабильность институтов распределения общественных благ.

Монархия и перераспределение как изъятие. Это связано с тем, что государство как политический институт способно изымать доходы от одной части общества и распределять их по отношению к другой. Поэтому сейчас разговоры о восстановлении монархии в России со стороны некоторой части граждан страны, обретают, прежде всего, характер требования перераспределения ресурсов (пересмотр итогов приватизации, введение прогрессивной шкалы налогообложения, заведение уголовных дел на крупных чиновников и бизнесменов и т.д.).

Интерпретируя варианты перераспределения ресурсов, следует обратить внимание на то, что монархисты считают «монархический вариант» более приемлемым для экономики и социума. Иными словами, «монархический вариант», когда одна позиция доминирует над остальными равными друг другу обладает большим порядком. То есть, система вариантов решений обладает меньшей свободой. Чем меньше число реализаций W , тем меньше энтропия, и тем больше порядка в социальной и политической системе.

Логика коллективных действий подсказывает, что монархистам проще достигнуть частного блага, чтобы после восстановления монархии стать аристократическим классом, и поэтому для них восстановленная монархия означает доступ ко всем ранее описанным типам распределения. Предполагается, что монархические объединения, а не обычные граждане, в первую очередь добьются успеха, поскольку будут декларативно заявлять о борьбе за восстановление самодержавия.

Восстановление монархии в России становится для монархистов способом возвращения к идеальному социальному устройству в качестве самого эффективного способа перераспределения ресурсов, достижению Парето-оптимума, когда индивид может беспрепятственно реализовывать свои частные интересы, достигая при этом общего блага, а политические институты, благодаря

справедливому перераспределению благ, помогают каждому человеку достигнуть личного блага. Кроме того, самодержавную монархию, по мнению монархистов, можно считать оптимальным вариантом поддержания максимина, пользуясь терминологией Дж. Ролза [6, с. 33]. Другими словами, самодержавие способно обеспечить максимальный минимум людей, оказавшихся за чертой бедности, создавая комфортные условия для их существования. Здесь возникает проблема коллективных действий людей по восстановлению самодержавия. Лозунг «Бог укажет нам царя!», молитвы о восстановлении монархии не могут привести к Парето-оптимуму, так как для этого нужно взаимодействие акторов. Для того чтобы достигнуть Парето-оптимума, необходимо, чтобы игроки находились примерно в равной ситуации. В контексте современного российского политического процесса деятельность монархистов не приводит к Парето-оптимуму, потому что не создаётся прочная коалиция монархических объединений по восстановлению самодержавия. В этой ситуации предопределён исход игры, и абсолютное преимущество находится на стороне государственных институтов.

Аргументацию восстановления монархии как социального идеала, полного, всеохватного и непротиворечивого, следует подвергнуть критике с позиций теоремы К. Гёделя о неполноте [4], которая заключается в том, что любая непротиворечивая система является неполной. Проводя аналогию с данной теоремой, мы утверждаем, что любая политическая система, базирующаяся на неизменных в течение долгого времени правилах игры, является неполной и неэффективной. Применение первой теоремы К. Гёделя показывает, что если политическая система непротиворечива, то в ней существует невыводимая и неопровержимая формула. Использование в политической науке второй теоремы К. Гёделя свидетельствует о том, что если политическая система непротиворечива, то в ней невыводима некоторая формула, содержательно утверждающая непротиворечивость этой политической системы. Если политическая система, создаваемая монархией, непротиворечива, то формула А (интерес одного) невыводима в этой системе, потому что существует одинаковый интерес всех (единогласие); если монархическая система непротиворечива, то формула А1 (интерес второго) невыводим в этой системе по такому же параметру. Таким образом, если монархическая система непротиворечива, то она неполна, потому

что с точки зрения коллективных действий существуют различные интересы индивидов, тогда как непротиворечивая система игнорирует их существование, потому что они приводят к политическим конфликтам. Рецепция теоремы К. Гёделя на политические отношения не отказывает самодержавной монархии в существовании и восстановлении, признавая, что она существует на несколько других основаниях: физическом и символическом насилии; перераспределении общественных благ в пользу политической элиты; идее о благодушном рациональном диктаторе, разрешающего проблемы; экономизации мышления и поддержке диктатуры как средства избавления от хаоса, смуты и конфликтов в ущерб частным благам.

Дискуссии относительно возможности и способов восстановления самодержавной монархии мы также считаем порождением политико-психологической проблемы, связанной с ретроспективной аберрацией, когда растущие ожидания людей искажают оценку социальной динамики, приводят к неудовлетворённости настоящим и иллюзорным воспоминаниям о золотом веке [14]. Именно самодержавная монархия после периода трагических событий отечественной и мировой истории XX века удовлетворяет всем признакам ретроспективной аберрации. Восстановление социального идеала монархии как гиперрационального проекта становится теоретическим воплощением процессов рационализации, т.е. придания инстинктам и личным настроениям логических формулировок. Поэтому некоторые исследователи монархии (И. Вевюрко) говорят о теоретическом монархизме в качестве рационального обоснования эмоциональных переживаний людей [11]. В результате ретроспективная аберрация для монархистов воплощается в следующих, по нашему мнению, базовых положениях:

1. Отказ от православных ценностей привёл к взрыву агрессии и трагическим последствиям. Возвращение к православию приведёт не только к восстановленной монархии, но и к общему благу. Нам представляется верной корреляция между насилием монархической власти и последующей агрессией со стороны подданных. Поскольку православие и самодержавие были инструментами насилия, то в начале XX века произошёл эффект «оттянутой пружины», который и привёл к трагическим последствиям (насилие породило ещё большее насилие). Кроме того,

уже в XIX веке православные ценности в Российской Империи остаются только формализованным фактором идентичности, устоявшимися правилами игры, за невыполнение которых производятся санкции (ранее упоминавшийся нами Уголовный Кодекс Российской Империи 1845 г.). К рыночной экономике и накоплению богатства обычными людьми православная церковь относилась враждебно, а потому и выступало инструментом насилия над свободой личности и экономическими интересами. Именно после реформ Александра II происходит дивергенция православия и потребности людей в благосостоянии, что явилось объективной социальной предпосылкой революции 1917 г.

Монархистами предлагается вполне рациональная аргументация, показывающая неуклонный рост экономики России до революции, которая прервала этот позитивный ход событий. Только к 1940 г. СССР достиг экономического уровня 1913 г., и в связи с этим у монархистов возникает закономерный вопрос об экономической пользе революции. Это противоречие разрешимо, используя модель социальной революции Рёмера [9], главным постулатом которой считаются обманутые ожидания граждан в постоянном экономическом росте и увеличении благосостояния, удовлетворить которые в конечном итоге может политическая революция. В период 1914-1917 гг. в России происходит фиаско государства, когда оно не в силах обеспечивать даже минимальное перераспределение ресурсов. Это стимулировало рост кооперации, чтобы в процессе коллективного выбора людям было проще добиться частных и общественных благ.

Образованное в 1990-е годы демократическое государство в представлении многих монархистов оценивается как аналогичный с советским «богоборческий» строй, производящий насилие над людьми, прикрывающийся ценностями общества потребления. Гипертрофированность насилия в современной России является ещё одним признаком ретроспективной аберрации, поскольку не только нивелируется насилие в Российской Империи, но и считается, что современная эпоха потребления становится самым страшным периодом в истории человечества, поскольку приводит к воцарению антихриста [15, с. 14].

Итак, революция 1917 г. становится той катастрофой, которая разрушает «золотой век» самодержавия и благополучного существования людей.

Представителями современной монархической мысли выделяются следующие основные причины революции в России: замена монархии на западную либеральную цивилизацию [12]; утрата доверия и христианской любви между гражданами [10]; отречение русского народа от соборной клятвы 1613 г. [7]; массовый отход людей от православной веры [5]. Призывы современных монархистов к избавлению от смуты, искоренению последствий коммунистической революции, декоммунизации становятся в совокупности факторами ретроспективной аберрации, которая стимулирует дискуссии о восстановлении монархии в современной России, которая приведет к благополучию граждан, когда перераспределение благ будет соответствовать нормам справедливости.

Восстановление самодержавной монархии, по мнению многих монархистов, должно произойти через созванный земский собор, на котором монарх будет избран единогласно, что подтвердит, таким образом, принцип соборности. Опираясь на правило единогласия, предполагается, что при восстановлении монархии все люди выигрывают от предоставляемых общественных благ. Теперь рассмотрим следующий процесс общественного выбора самодержавной монархии. Кандидат на пост монарха предлагает пару долей затрат на приобретение блага, tF и $(1 - tF)$, а также некое количество общественного блага, GF . Если данная комбинация находится внутри фигуры «глаза», т.е. обозримых интересов, к примеру, сформированных $A1$ и $B1$, индивиды предпочтут это предложение о разделе затрат общественного блага по сравнению с единоличным предоставлением общественного блага. Оба проголосуют за него, если будут голосовать «искренне». Таким образом, единогласный общественный (социальный) выбор сделан. То же самое можно применить и к большому количеству индивидов, т.е. к гражданам, которые будут делегированы на земский собор. Поскольку у различных социальных групп различные интересы, то все они рассчитывают на управленческую эффективность монарха, который предоставит всем гражданам возможность достижения частных благ, если они будут думать об обеспечении монархом стабильности и предоставлении общественных благ. Приводится пример земского собора 1613 г., где Михаил Романов стал самой удобной кандидатурой на пост монарха, поскольку в представлении «выборщиков» он оказался основой стабильности общественных и политических отношений. Естественно, что правило

единогласия на земском соборе является нормативным требованием коллективных действий с целью принятия решения о восстановлении монархии и выборе подходящей кандидатуры монарха, что не всегда отвечает реальным проблемам достижения консенсуса. Так, например, индивид, голосующий против определённой кандидатуры монарха в стремлении добиться большего количества частных благ при победе другой кандидатуры монарха, при правиле единогласия рискует быть вообще лишённым общественного блага или получить его в количестве меньше оптимального.

Моделируя возможность возникновения проблемной ситуации, трудности созыва и непредсказуемость поведения участников, лучшим вариантом, с нашей точки зрения, должно стать оптимальное большинство, но только в том случае, если разрешится политико-правовая коллизия закона о престолонаследии. Поскольку на земском соборе может оказаться несколько групп интересов, которые выступят антагонистами в области интерпретации права наследия престола, вероятность возникновения правила единогласия минимальна, потому что оно не подразумевает конфликта. Кроме того, индивид, принимающий решение о восстановлении монархии и выборе монарха, сталкивается с антиномией единогласия. На одном полюсе находится единогласие, когда любой индивид может блокировать любое соглашение вплоть до предложения такой кандидатуры монарха, которое его удовлетворяет или является для него наилучшим из возможных соглашений. Внешние затраты принятия такого решения при данном правиле являются нулевыми, зато затраты времени на принятие решения могут быть бесконечно большими. На другом полюсе находится ситуация, когда каждый индивид принимает решение о выборе монарха в одиночку. В этом случае не может возникнуть задержек, как в случае принятия решения о чистом общественном благе, но внешние затраты, связанные с дозволением каждому индивиду принимать одностороннее решение для всего сообщества, опять-таки могут быть бесконечно большими. Допущение, что выбор оптимального большинства для каждой категории проблем восстановления монархии производится в конституционной среде, где ни один индивид не уверен в своем будущем положении, вкусах приводит к рассмотрению проблемы схожим образом, и потому достигается единогласное соглашение по поводу того, какое правило

менее чем единогласного большинства надлежит использовать для решения каждой категории проблем.

Критическое отношение к восстановлению монархии свидетельствует не только о вопросе функционирования монархической идеи или монархических сообществ, но и ставит более широкую проблему – возможность эффективного перераспределения государством общественных благ. Учитывая специфику российского общества и государства, тема восстановления монархии встраивается в ценностный контекст наилучшего социального устройства, которое способствует разрешению всех общественных проблем, не смотря на то, что базовой характеристикой политики является интерес личности, использующий ценностные основания для реализации частных и общественных благ.

Список литературы

1. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=./in/buchanan/works/buchanan_w3_0.txt&img=works_small.gif&name=buchanan (дата обращения: 6.02.2015 г.).
2. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. – СПб.: Экономическая школа, 2005. – 272 с.
3. Бьюкенен Дж. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчёт согласия. Границы свободы / Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1 / Фонд экономической инициативы. – М.: Таурис Альфа, 1997. – 560 с.
4. Беклемишев Л.Д. Теоремы Гёделя о неполноте и границы их применимости // Успехи математических наук. – Сентябрь-октябрь 2010 г. – выпуск 5, Т. 65. – 106 с.
5. Возродится монархия – возродится Святая Русь! // URL: <http://srn.rusidea.org/?a=402300027> (дата обращения: 13.12.2012 г.).
6. Джон Ролз. Теория справедливости / Под ред. В.В. Целищева. – Новосибирск, 1995. – 513 с.
7. Закунов Ю.А. Русские перед судьбоносным выбором // URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2011/oktyabr/16/russkie_pered_sudbonosnym_vyborom/ (дата обращения: 16.03.2013 г.).
8. Коковин С.Г. Лекции по политологии и политэкономии (спецкурс). М., 2009. – 52 с.
9. Коковин С.Г. Лекции по теории игр и политологии. Часть 2: Модели политики и политэкономии. 23 ноября 2003 г. // <http://math.nsc.ru/~mathecon/Kokovin/m2polit.pdf> (дата обращения: 14.12.2014 г.).
10. Кузнецевский В.Д., Мультатули П.В. Пьяные дни Февраля. События 1917 года с непопулярной точки зрения // URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/pjanyje_dni_fevrala_2011-02-25.htm (дата обращения: 12.11.2012 г.).
11. Монархическая идея: история и перспективы // URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=529> (дата обращения: 5.04.2013 г.).
12. Мультатули П.В. Свержение монархии в России. Духовно-нравственные причины и последствия // URL: <http://samoderjavie.ru/node/656> (дата обращения: 15.02.2013 г.).

13. Мюллер Д. Общественный выбор / Пер. с англ. под ред. А. П. Заостровцева, А. С. Скоробогатова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики, Институт «Экономическая школа». – М. 2007. – 994 с.

14. Назаретян А.П. Виртуализация социального насилия: знамение эпохи? (Развернутый комментарий к статье А.М. Буровского) // Историческая психология и социология истории. Том 2, № 2. 2009.

15. Решетников Л.П. Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. – М.: Издательство «ФИВ», 2013. – 232 с.